

«Детское чтение для сердца и разума».
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

5

2021 (263)

6+

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Соловьиное время

ISSN 1684-0895
9 771684 089001 >

Валентина Осеева

Кочерыжка

Маргарита Алигер

Утро мира

Три с лишком. Почти что четыре.
По-нашему вышло. Отбой.
Победа — хозяйка на пире.
Так вот ты какая собой!

Так вот ты какая! А мы-то
представить тебя не могли.
Дождём, как слезами, омыто
победное утро земли.

Победа! Не мраморной девой,
взвизывающей мраморный стяг, —
начав, как положено, с левой
к походам приученный шаг,

по тёплой дождливой погодке,
под музыку труб и сердец,
в шинели, ремнях и пилотке,
как в отпуск идущий боец,

Победа идёт по дороге
в сиянии майского дня,
и люди на каждом пороге
встречают её, как родня.

Выходят к бойцу молодому:
— Испей хоть водицы глоток.
А парень смеётся: — До дому! —
и машет рукой на восток.

Чудо Георгия о змие
Новгородская икона
Конец XIV в.

В номере:

3

Валентина Осеева
Кочерыжка

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Юрий Гагарин — первый человек в Космосе

22

ЖИВОЙ УГОЛОК

Олег Трушин
Соловиное время

25

ПУШКИНСКИЙ ВЕНОК

Сергей Ив. Иванов
Где висит «златая цепь»?

30

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталия Безотосная
Чудеса-кудесы!

33

УГОЛОК РОССИИ

Наталия Будур, Зелимхан Евлов
Елецкие истории

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Петрова

Компьютерная вёрстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68349 от 30.12.2016 г.

Подписано в печать 27.04.2021

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

125284, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 1580 экз.

В розницу цена свободная

Заказ №-2916-2021

© «Роман-газета», 2021 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Художник Г. Мазурин

Кочерыжка

Люди возвращались. На маленькой голубой станции, уцелевшей от бомбёжек, беспорядочно и суетливо выгружались из вагонов женщины и дети с узлами и авоськами. По обеим сторонам дороги заколоченные домики, глубоко зарывшись в сугробы, ждали своих хозяев. То там, то сям вспыхивали в окнах светлячки коптилок, из труб поднимался дым. Дольше всех пустовал домик Марьи Власьевны Самохиной. Забор её повалился, и только кое-где стояли ещё крепко сбитые колья. Над калиткой торчала вверх и билась на ветру сломанная доска. В морозные зимние ночи, проваливаясь в снег, к запущённому крыльцу брёл голодный пёс, похожий на затравленного волка. Он обходил дом, прислушиваясь к тишине, царившей за большими окнами, тянул носом воздух и, бессильно волоча длинный хвост, укладывался на снежном крыльце. А когда луна бросала на пустой дом светлые жёлтые круги, пёс поднимал морду и выл.

Вой будоражил соседей. Измученные, настрадавшиеся люди, зарываясь головой в подушки, грозились заткнуть эту голодную глотку дубиной. Может быть, и нашёлся бы человек, решившийся поднять дубину на поджарое собачье тело, но пёс, как бы зная это, остерегался людей,

и утром на снегу оставались только следы, тянувшиеся неровной цепочкой вокруг брошенного дома. И лишь один маленький человечек из домика напротив каждый вечер за старым обвалившимся погребом ожидал голодного пса. В растоптанных валенках и старой серой шинельке он тихонько вылезал на крыльцо и смотрел, как в сумерках белеет снег. Потом, прижимаясь к стене, круто заворачивал за угол дома и шёл к погребу. Там, присев на корточки, он делал в снегу плотную ямку, выкладывал из кармана корочки хлеба и тихонько отступал за угол. А за погребом, медленно переставляя лапы и не сводя с ямки голодных волчьих глаз, появлялась поджарая собака. Ветер качал её костлявое тело, когда она жадно глотала то, что принёс маленький человечек. Окончив еду, пёс поднимал голову и в упор смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на пса. Потом оба расходились в разные стороны: собака в снежные сумерки, а мальчик в тёплый дом.

Судьба маленького человечка была судьбой многих детей, застигнутых войной и обездоленных фашистскими варва-

рами. Где-то на Украине золотой осенью в обуглившемся селе, только что отбитом у фашистов, безусый сержант Вася Воронов нашёл на огороде завернутого в тёплые тряпки двухлетнего мальчишку. Рядом на вспаханной огородной земле, среди обрубленных кочанов капусты, в белой сорочке, вышитой красными цветами, лежала, раскинув руки, молодая женщина. Голова её была повернута набок, голубые глаза застыли в пристальном созерцании высокой горки срезанных капустных листов, а пальцы одной руки крепко сжимали бутылку с молоком. Из горлышка, заткнутого бумагой, медленно стекали на землю крупные молочные капли... Если б не эта бутылка с молоком, может быть, пробежал бы Вася Воронов мимо убитой женщины, догоняя своих товарищей. Но тут, горестно поникнув головой, осторожно вынул он из рук мертвой бутылку, проследил её застывший взгляд, услышал за капустными листьями слабое кряхтение и увидел широко открытые детские глаза. Неумелыми руками вытащил безусый сержант закутанного в одеяльце ребёнка, сунул в карман бутылку с молоком и, наклонившись над мёртвой женщиной, сказал:

— Беру... Слышь? Василий Воронов! — и побежал догонять товарищей.

На привале бойцы поили мальчика тёплым молоком, любовно оглядывали его крепенькое тельце и шутя называли Кочерыжкой.

Кочерыжка был тихий; свесив голову на плечо Васи Воронова, он молча глядел назад, на ту дорогу, по которой его нёс Вася. А если мальчик начинал плакать, товарищи Воронова с пыльными и потными от зноя лицами приплясывали перед ним, тяжело потряхивая амуницией и хлопая себя по коленкам:

— Ай да мы! Ай да мы!

Кочерыжка замолкал, пристально вглядываясь в каждое лицо, как будто хотел запомнить его на всю жизнь.

— Изучает чегой-то! — шутили бойцы и дразнили Васю Воронова. — Эй, отец, докладай, что ли, по начальству насчёт новорожденного!

— Боюсь, отымут, — хмурился Вася, прижимая к себе мальчонку. И упрямо

добавлял: — Не дам. Никому не дам. Так и матери его сказал — не брошу!

— Одурел, парень! С ребёнком, что ли, в бой пойдёшь? Или в няньки теперь попросишься? — урезонивали Васю бойцы.

— Домой отошлю. К бабке, к матери. Закажу, чтоб берегли тама.

Твёрдо решив судьбу Кочерыжки, Вася Воронов добился своего. Поговорив по душам с начальством и передав своего питомца с рук на руки медицинской сестре, Вася написал домой длинное письмо. В письме было подробно описано всё происшедшее, и кончалось оно просьбой: держать Кочерыжку, как своего, беречь, как родное дитё сына Василия, и не называть его больше Кочерыжкой, потому как мальчик крещён в тёплой речной купели самим Вороновым и его товарищами, давшими ему имя и отчество: Владимир Васильевич.

Молоденькая сестричка привезла Владимира Васильевича в семью Вороновых зимой сорок первого года, когда сами Вороновы, заколотив свой домик, бежали с вещами и авоськами к голубой станции. На ходу, второпях, прочитали Анна Дмитриевна и бабка Петровна письмо Васеньки, со вздохами и слезами приняли от сестрички свёрток в сером солдатском одеяле и, нагруженные вещами, полезли с ним в дачный вагон, а потом в теплушку... А когда вернулись на старое жильё и открыли свой отсыревший домик, война уже отодвинулась, письма Васеньки шли с немецких земель, а Кочерыжка уже бегал по комнате и сидел на скамейке, пристально изучая новые углы и новые лица своими зеленоватоголубыми глазами под тёмными шнурками бровей. Мать Васеньки, Анна Дмитриевна, осторожно поглядывая в сторону мальчика, писала сыну:

«Завет чести твоей и совести, дорогой наш боец Васенька, мы сохраняем. Кочерыжку твоего, то есть Владимира Васильевича, не обижаем, только достатки его не можем. По приказу твоему мальчику о тебе поминаем, как что между вами произошло, и бутылочку тую держим на память. Ещё разъясни ты нам, Васенька, как ему нас звать прикажешь, а

всё “тётенька” да “тётенька” я ему, бабу зовёт Петровной, а сестрёнку твою Граню Ганей кличет».

Вася Воронов, получив письмо, слал ответ:

«За хлопоты ваши великое спасибо. В остальном разберусь, как домой приеду. Одна просьба: Кочерыжкой не звать, потому как это звание походное, данное случаем по обстоятельству местонахождения в капусте. А он должен быть как человек, Владимир Васильевич, и сознавать то, что я ему отец».

Кочерыжке своему Вася Воронов, подумав, всегда писал одно и то же: «Расти и слушайся». Пока что больших задач воспитания приёмного сына он на себя не брал. Кочерыжка рос плохо, а слушался хорошо. Слушался молча, медленно, понятно и серьёзно.

— Батюшки, да что ты как спеленатый на лавке сидишь? Пойди хоть побегай маленько! — замечая его, на ходу кричала тётенька Анна Дмитриевна.

— А где побегать? — сползая с лавки, спрашивал Кочерыжка.

— Да в садике, батюшки мои!

Кочерыжка выходил на крыльцо и, как будто стесняясь, с неуверенной улыбкой смотрел на тётеньку, потом, опустив руки, неловко перебирая ногами, бежал к калитке. Оттуда медленно возвращался и снова садился на лавку или на крыльцо. Петровна качала головой:

— Притомился, Кочерыжка, то бишь Володечка?

Мальчик поднимал тонкие брови и односторонне отвечал:

— Не.

Граня бегала в школу. Иногда у крыльца, как стайка весёлых птиц, собирались её подружки. Граня вытаскивала Кочерыжку, сажала его к себе на колени, дала на его большой лоб с пушистыми тёмными завитками и, скрестив на его животе крепкие, загорелые руки, говорила:

— Это наш, девочки! Мы его в капусте нашли! Не верите? Он сам знает. Правда, Кочерыжка?

— Правда, — подтверждал мальчик, — меня в капусте нашли!

— Бедненький! — ахали девочки, поглаживая его по головке.

— Я не бедненький, — отводя их руки, говорил Кочерыжка. — У меня отец есть. Вася Воронов — вот кто!

Девочки начинали возиться с ним, но Кочерыжка не любил шумных игр. Однажды Петровна дала ему немного земли из старого цветочного горшка, и в самом углу широкой скамьи Кочерыжка устроил себе огород. На огороде он сделал аккуратные грядочки. Граня дала мальчику красной глянцеви́той бумаги к зелёной папиросной. Кочерыжка вырезал круглые красные ягодки, разложил их на грядках, а рядом воткнул зелёные кустики из папиросной бумаги. Потом принес из сада ветку и повесил на неё бумажные яблочки, раскрашенные с помощью Граня. В игре принимала участие и Петровна — она тайком подкладывала в огород свежую морковку и громко удивлялась:

— Гляди-ка, морковь у тебя поспела!

Анна Дмитриевна называла Петровну потатчицей, но сама как-то привезла два игрушечных ведёрка и совочек для «ого-

рода». Кочерыжка любил землю; он брал её на ладонь, прижимался к ней щекой и, когда скупое зимнее солнце падало из окна, серьезно говорил:

— Не загораживайте солнце-то — ведь расти ничего не будет!

— Агроном!.. — с гордостью говорила о нём Петровна.

Жизнь в то время была трудная. У Вороновых не хватало хлеба, картошки своей не было. Анна Дмитриевна работала в столовой. Она приносила в бидончике остатки супа. Граня с размаху залезала в бидон ложкой и вылавливала гущу. За столом мать бранила её:

— В такое-то время, когда весь народ от войны ещё не оправился, она только о себе думает! Выловит гущу, а мать и бабушка как хотите! Да Кочерыжка ещё на руках у нас!

Громкий голос и сердитые слова пугали Кочерыжку.

— Я не буду! — испуганно говорил он, сползая со стула. — Я не буду кушать!

— Сядь!.. Что за «не буду» такое? — в раздражении кричала на него Анна Дмитриевна.

Кочерыжка низко наклонял голову и начинал капать крупными слезами. Петровна схватывалась со своего места и, вытирая ему глаза передником, ругала дочь и внуку:

— Вы что ребёнку нервы треплете? Чужое дитё за столом, а они при нём куски считают! Взяли за своего, так и держите по совести!

— Да что ж я ему сказала-то? — ахала Анна Дмитриевна. — Не на него кричу, а на дочь родную! Я его и пальцем не трону! Мне с ним не жить... Пусть кто взял, тот и воспитывает!

— А мне, что ли, с ним жить? Мне и вовсе он не нужен на старости, а раз взяли, так надо сердце иметь! Вишь, он ото всего нервный какой!

— Ну, нервный! Представленный, и всё тут! — кричала сквозь слезы Гранька, получившая от матери подзатыльник. — Всё, всё брату напишу! Пускай забирает его совсем! Не надо нам!

— А кто ж со мной жить будет? — вдруг спрашивал Кочерыжка, обводя всех тревожными заплаканными глазами.

Петровна спохватывалась:

— Усе, усе будем, сынок! Не плачь только! Советская власть сироту не бросит! А отец-то! Отец-то на што? Вон он глядит... Вон он... — Она снимала с полки фотографию Васи и, обтерев её ладонью, подавала мальчику. — И-и, какой отец... С ружьём!

Кочерыжка сквозь слёзы улыбался доброму скуластому лицу Васи, а Петровна, расчувствовавшись, крепко прижимала к себе мальчика:

— Разве он бросит?! Как повидал он это горюшко... Лежит она, голубка сердечная, а молочко-то из бутылочки кап-кап...

Она вдруг прерывала себя и, подперев рукой щёку, начинала раскачиваться из стороны в сторону:

— Ах ты боже ж мой, боже ж мой... Несла своему сыночку, голубушка...

Анна Дмитриевна, прислушиваясь к её словам, останавливалась посреди комнаты; Граня сидела тихо, поглядывая круглыми глазами то на мать, то на бабу.

— И сказал он ей, мёртвенькой...

Кочерыжка закрывал глаза и, борясь с дремотой, крепче прижимал к себе карточку.

— ...нипочем я сыночка твоего не брошу... — доносился до него затихающий голос Петровны, смешанный со слезами и вздохами. — Ах ты боже ж мой, боже ж мой...

— Гляди, карточку всю изомнёт! — вдруг кричала Гранька. — Заснул ведь! Дай-ка я возьму у него!

Петровна загораживала от неё Кочерыжку:

— Не тронь, не тронь, Гранечка! Я сама опосля возьму!

Анна Дмитриевна, как бы очнувшись, бежала к постели, взбивала подушечку и принимала из рук Петровны спящего мальчика. Гранька вертелась тут же, чтобы вытащить из горячих сонных рук Кочерыжки Васину карточку, но мать молча отводила её руку и, глядя в курносое безмятежное лицо девочки, думала: «Чего в ней не хватает — сердца или разума?»

По ночам выла собака. Кочерыжка знал, что она воет от голода, от тоски по хозяевам и за это её хотят убить. Кочерыжка хотел, чтобы собака перестала выть и чтобы её не убивали. Поэтому однажды, увидев за своим погребом следы собачьих лап, он стал относить туда остатки еды. Собака и мальчик боялись друг друга. Пока Кочерыжка складывал свои сокровища в ямку, собака стояла в отдалении и ждала. Он не хотел погладить её сбившуюся шерсть на тощих рёбрах — она не хотела вильнуть ему хвостом. Но часто они смотрели друг на друга. И тогда между ними происходил короткий разговор.

«Всё?» — спрашивали собачьи глаза.

«Всё», — отвечали ей глаза Кочерыжки.

И собака уходила, чтобы в сумерки следующего дня заставить его тревожно ждать за погребом, прислушиваясь к каждому голосу из дома. За столом Кочерыжка, глядя испуганными глазами на все лица, прятал за пазуху хлеб.

Однажды ночью он проснулся от собачьего голоса. Но это не был вой. Это был короткий визг. Кочерыжка прислушал-

ся. Визг не повторился. Мальчик понял: что-то случилось. Он сполз с кровати и, всхлипывая, пошел к двери. Петровна в одной юбке, сонная и растрёпанная, схватила его на руки:

— Куда ты? Куда, батюшка мой?

Кочерыжка громко заплакал.

— Молчи, молчи, сынок... Усех в доме перебудишь...

Но мальчик вырывался из её рук и, захлёбываясь слезами, указывал на дверь:

— Туда, туда...

— Да куда же мы пойдём с тобой? Ведь на дворе тьма-тьмушная... Там усе волки сейчас бегают... Гляди-ко!

Петровна подняла Кочерыжку к окну и отдернула занавеску. На дворе стояла оттепель; сквозь мокрое стекло было видно, как из освещённого окна пустого дома на крыльцо падала жёлтая тень. Кочерыжка вдруг затих, а Петровна, зевая, сказала:

— Никак, Самохины приехали?

В эту ночь от станции, глубоко проваливаясь в снег тяжёлыми бутсами, шла женщина. Рваное мужское пальто, подвязанное верёвкой, мокрыми полами обхватывало её колени, чёрный платок съе-

хал на плечи, седые пряди волос прилипли к щекам. Женщина часто останавливалась и прислушивалась к собачьему вою. В калитке оторванная доска задела её за плечо, а с крыльца поднялся одичалый пёс и, прижимая к затылку уши, двинулся ей навстречу. Женщина протянула к нему руки, чуть слышно пошевелила губами. Пёс с коротким визгом упал на снег и пополз к ней на брюхе... Женщина обняла его за шею и достала из кармана ключ. Потом поднялась на ступеньки, открыла дверь, зажгла огарок свечи, и от освещенного окна упала жёлтая тень, которую увидел Кочерыжка.

Собака не приходила. Два дня ждал её Кочерыжка, глядя на огонёк, светившийся через дорогу. Теперь оттуда часто доносился хриплый, сердитый лай. Слышно было, как пёс кидался к забору и до конца улицы провожал идущих мимо отрывистым лаем. Он сторожил свой дом. Ночью никто уже не слышал его жалобного воя и не грозил заткнуть ему глотку дубиной. Из разговоров соседей Кочерыжка знал, что в домик Самохиных вернулась одна старуха — Марья Власьевна... Бабка Маркевна, никуда не уезжавшая во время войны, считала себя хозяйкой опустевшего посёлка с заколоченными домиками. Ей казалось, что именно она, оставаясь здесь, под немецкими бомбами, уберегла от разрушения весь посёлок. И как хозяйка встречала она всех возвращающихся, приветливо и жалостно, не скупясь ни на сочувствие, ни на вязанку дров для захламлённых людей. Первая являлась она к семьям, ещё не обогрешившим пустые углы, и, прислонившись к косяку двери, зябко кутаясь в клетчатую шаль, говорила:

— Ну вот, слава те господи! Вернулись! На родном пороге не обобьёшь ноги!

И тут же зорко примечала она чьи-то заплаканные глаза, горестно покачивала головой, кляла душегубов-фашистов, вытирала концом платка слёзы и утешала:

— Что делать, милушка, война... Уж теперь не вернёшь и сама в могилку не полезешь. Скрепи сердце, как ни есть...

Небось не одна поплачешь, люди с тобой поплачут и над твоим и над своим горем... Все вместе, легче будет...

Серенькое, востренькое лицо её, тёплые руки с тёмными жилками, слёзы и сочувствие успокаивали. Не одна осиротевшая женщина выплакала своё горе вместе с Маркевной. Поплакав, бабка Маркевна деловито распоряжалась:

— Печку-то попробуй — не дымит ли? Да пойдём ко мне: дровишек сухоньких дам или кипяточку отолью.

Бабка Маркевна жила одна, но с утра до вечера у неё толкся народ — женщины, ребяташки. Каждому что-то было нужно. Иногда на широкой лавке под печкой сидел у бабки чей-нибудь закутанный ребенок, и бабка, придя со двора, говорила:

— Ишь бог послал... Чей же это? Сафоновых али Журкиных? — И сама себе отвечала: — Небось Журкиных... Она нынче к снохе в город уехала...

Погремев в печи заслонкой, Маркевна вытаскивала горячую картофелину, дула на неё, перебрасывая с ладони на ладонь, и подносила ребенку:

— На-козь... Погрей ручки да скушай!

Теперь бабка Маркевна часто сидела у Петровны и, указывая на домик Самохиной, с обидой говорила:

— Я к ней, а она от меня... я во двор, а она в дом... Вижу, лица на ней нет.

— Да-да, — подтверждала Петровна, — чуждается она людей... а бывало, как работала библиотечаршей на заводе, от одних ребят отбою не было, сама всех приветчала.

Маркевна освобождала от шали востренький подбородок и шумно сморкалась.

— Выхожу это я в сени, а у самой сердце не на месте... И её жалко, и навязываться тошно... Только думаю себе: горю что петля на шее, если некому растянуть её, она всего человека захлестнет. — Маркевна оглянулась на Кочерыжку и вдруг зашептала: — Ведь одна-одинёхонька вернулась. Игде невестка, игде внучка ейная. Всё небось в земле сырой похоронено. Как не бывало да не было. И сама-то вся рваная, пальтишко худенькое...

— О-хо-хо... — подперев щёку рукой, вздыхала Петровна. — Ведь полным домком жил человек! Да где же это она всех растеряла-то?

Но Маркевна уже снова перешла от сочувствия к обиде:

— Да разве в ней человецкая душа осталась? Голубушка, говорю, милая ты моя, одна, что ли, в свой домик возвратулась? А она это как глянет на меня, руками за стол схватилась да как крикнет: «Не спрашивай!» Батюшки мои! Ровно я ей в сердце иголку всадила... — Маркевна закрылась платком и заплакала.

Петровна мельком взглянула на Кочерыжку. Лицо у него было серое, губы дрожали, в глазах стоял испуг.

— Уйди ты отсюда! Что за ребёнок такой?! — рассерженно крикнула Петровна и, схватив Кочерыжку за руку, вытащила его в кухню. — Ступай оденься, погуляй хоть с ребятами! — Она бросила ему шинельку и платок. Ступай, ступай! Вот всегда эдак-то: прилипнет к лавке и сидит на нервы действует, — объясняла она бабке Маркевне, возвращаясь в комнату.

Кочерыжка нерешительно потоптался в кухне, взял с плиты печёную картофелину, надел шинельку, вышел на двор и побрёл на собачий лай. Ему хотелось

взглянуть на собаку, которая уже два дня не приходила к погребу. Но ему было страшно, что на крыльце Самохиных вдруг появится та женщина и закричит на него, как на бабу Маркевну. Во дворе никого не было. Не отрывая глаз от закрытой двери, Кочерыжка долго стоял у забора, потом храбро направился к калитке.

Марья Власьевна сидела одна у холодной печки. Около неё валялась сломанная табуретка и секач. Скрип двери, серая шинелька и протянутая ладошка с печёной картофелиной испугали её. Она откинула со лба седые волосы и, зажмурившись, сказала:

— Боже мой, что это?

— Собаке... — дрожащим голосом прошептал Кочерыжка, не сводя с неё глаз.

Марья Власьевна глубоко вздохнула.

— Волчок!

Со двора вбежала собака, шумно обнюхала мальчика и, виляя хвостом, остановилась рядом с ним. Марья Власьевна молча смотрела, как Кочерыжка кормил собаку. Потом она заглянула в печь и

чиркнула спичкой. Спичка погасла. Она снова чиркнула. Кочерыжка подобрал с полу тоненькие щепочки и положил их перед ней. Потом обнял за шею собаку и удивленно сказал:

— Я её не боюсь.

В печке затрещали сухие доски. Мальчик осторожно присел на корточки и протянул к огоньку красные руки.

— Чей ты? — тихо, с напряжённым вниманием вглядываясь в его лицо, спросила Марья Власьевна.

— Васи Воронова. Я Кочерыжка, — робко сказал он и, заметив на её губах слабую улыбку, стал рассказывать свою историю.

Он делал это совсем так, как Петровна, подперев рукой щёку и раскачиваясь из стороны в сторону. Марья Власьевна слушала его с удивлением и жалостью. Прощаясь, Кочерыжка сказал:

— Я к тебе и завтра приду.

По дороге его переняла Грания. Размахивая концами платка, она сердито потащила его к дому:

— Ходит не знай где! Весь в снегу извалялся! Настоящий Кочерыжка!

От усталости, сердитого голоса Грани и всего пережитого за этот день Кочерыжка сел на снег и заплакал.

Самохина сторонилась соседей. Она часами сидела одна, опустив на колени руки. Её память с болезненной точностью рисовала ей то одно, то другое... Разбросанные в беспорядке вещи напоминали ей сборы в дорогу и залитое слезами лицо её невестки Маши. Слезы свои Маша объясняла по-разному, невпопад: то нежеланием расстаться с насиженным углом, то боязнью перед незнакомой дорогой. Марья Власьевна не знала тогда, что Маша скрывает от неё смерть сына, что она одна переживает своё тяжёлое горе, щадя старуху мать. Марья Власьевна вспоминает, как она сердилась на неё за эти слёзы, как в последнюю ночь сборов, выйдя из терпения, она сурово прикрикнула на невестку: «Перестань! Возьми себя в руки! Стыдно! Люди близких теряют...»

Мысли Марьи Власьевны перескакивают. Она видит длинный эшелон, набитый женщинами и детьми. Она сидит между своими и чужими узлами, затиснутая в угол теплушки; потная головёнка внучки, прикрытая её широкой ладонью, прижимается к груди. В полумраке большие заплаканные глаза Маши. А потом бомбёжка и глухой полустанок, где она, Марья Власьевна, металась между разбитыми вагонами, не выпуская из рук круглого синего чайника и бессмысленно объясняя кому-то с остановившимися от ужаса глазами: «За горяченьким пошла... за горяченьким...»

А из-под обломков люди вытаскивали что-то страшное, бесформенное, в чем уже нельзя было узнать ни внучки, ни Маши. Кто-то отнимал у неё залитый кровью капор, кто-то совал ей в руки узелок и вёл её за носилками, покрытыми серым брезентом... Затерянная на этом полустанке, одна среди чужих людей, она случайно развязала Машин узелок и там нашла карточку сына вместе с его письмами к жене. Рядом с карточкой лежала серая бумажка, где сообщалось о славной смерти честного бойца Андрея Самохина... Лицо сына было радостное и удивлённое, как будто он сам не верил в это сообщение о его смерти. Марья Власьевна стискивала руки, обводила глазами пустые углы и шептала без слёз:

— Деточки мои... деточки...

Волчок клал ей на колени свою острую морду и, шумно вздыхая, лизал старые, сморщенные руки.

Теперь, когда Кочерыжка прятал в карман хлеб, Петровна бросала на Анну Дмитриевну многозначительный взгляд, и та сама клала перед мальчиком горку печёного картофеля:

— Кушай, кушай, сынок! А то на потом себе спрячь!

Кочерыжка брал в руки картошку и обводил всех недоверчивым, вопросительным взглядом. Но все смотрели в свои тарелки, а то нарочно выходили в кухню, и, глядя, как торопливо натяги-

вает Кочерыжка свою шинельку, Петровна таинственно шептала:

— Собралси...

А Анна Дмитриевна тяжело вздыхала:

— Что ему там нужно?

Если б не Маркевна, в семье Вороновых давно запретили бы Кочерыжке ходить к необщительной соседке.

— В горе он сам родился, да ещё на её горе глаза тарацит. Эдак вовсе ребёнка

Правдой во всём этом было только то, что осталась женщина одна-одинёшенька. Но не это мучило Маркевну, когда вспоминала она Самохину. Мучила её мёртвая душа в живом человеке, и, не в силах оживить её сама, она надеялась на Кочерыжку.

Уходя, Маркевна вынимала из-под платка свежесвеженный хлебец и совала его Петровне:

испортить можно, — беспокоилась Петровна.

— А не пусти — плакать будет, — огорчалась Анна Дмитриевна.

Гранька надувала розовые губы:

— Сами позволяете... Вася придет — всем попадёт... Не она его нашла, и ладно!

Но Маркевна была другого мнения.

— Как можно не пускать? — строго говорила она. — Грех в нём сердечко сдерживать. Кто чужие слёзы утрёт, тот меньше своих прольёт... Не всякое горе к себе близко подпускает, а ребёнок, он как лучик тёпленький... Ведь вот я-то, старая, разбередила ей душеньку...

История Самохиной, приукрашенная и неправдоподобная, ходила по всему посёлку, о ней говорили в заводском кооперативе, где люди получали картошку.

— Дай мальчику-то... пущай снесёт... от себя вроде.

Кочерыжка не понимал маленьких хитростей взрослых, он и вправду носил от себя. Войдя к Марье Власьевне, он просто выкладывал на стол всё, что принёс, выбирая куски для собаки. Один раз Самохина сурово сказала:

— Не носи больше. — Но, заметив в его глазах испуг, спросила: — Кто тебя посылает?

— Сам иду, — всхлипнул Кочерыжка.

Марья Власьевна погладила его по голове:

— Не носи больше, слышишь? Так приходи...

Вечером она собрала кое-что из белья, приладила лампочку и села чинить. Потом затопила печь, нагрела воды, вымы-

ла комнату, вытащила из сарая маленький стульчик и, подумав, поставила его около печки.

Смеркалось, а Кочерыжки не было. Анна Дмитриевна не выдержала, надела шаль и пошла к дому Самохиной:

— Хоть погляжу своими глазами, как он там...

Но, дойдя до калитки, испуганная яростным лаем собаки, она повернула обратно и, придя домой, написала письмо сыну.

«Дорогой мой Васенька!

Исполняю свой материнский долг и спешу с тобой посоветоваться. Твой сынок Володенька мальчик тихий, беспокойства он нам не доставляет, только последнее время совсем мы с ним голову потеряли и ума не приложим, как нам быть...»

Анна Дмитриевна подробно описала возвращение соседки Самохиной, привязанность к ней мальчика и закончила словами:

«...Сердце в нём мягкое, а характер настойчивый — весь в тебя».

Заклеив письмо, она позвала Граньку:

— Снеси на станцию. Да покличь Кочерыжку.

— Не пойду я за ним, — отказывалась Гранька.

В это время входная дверь стукнула, и вместе с морозным паром на пороге встали две фигуры. Женщина в чёрном платке и в мужском пальто, подвязанном верёвкой, держала за руку Кочерыжку.

— У меня мальчик ваш был, — тихо сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Но Анна Дмитриевна взволновалась:

— Он у вас, а вы у нас... посидите маленько.

Петровна живёхонько столкнула с табуретки Граньку и вышла на кухню.

— Хоть чайку-то откушай с нами... Добрые соседи — вторая семья. — Сказав это, она вдруг испугалась и робко добавила: — Не обижай старуху, Власьева!

— Спасибо. У меня там собака заперта, — со вздохом сказала Марья Власьева.

Но Анна Дмитриевна увлекла её в комнату и усадила на табуретку.

— Садись, садись рядышком, Володечка! Около тётеньки садись, — хлопотала она.

— С мороза-то чайку попейте, — угощала Петровна.

Самохина молча взяла чашку. Анна Дмитриевна подвинула ей кусок сахара.

— Кушай, кушай, голубочек! — шептала Кочерыжке Петровна, не зная, какой вести разговор.

Граня в упор рассматривала гостью. Гладкие седые волосы, глубокие морщины. Лицо — усталое. Казалось, что у неё смертельно болит голова. Она с трудом поднимала на говорившего выпуклые серые глаза. Привечая гостью, Петровна тщательно подбирала слова и, боясь сказать чего не следует, беспомощно поглядывала на Анну Дмитриевну. Анна Дмитриевна дёргала под столом Граньку, обращалась к Кочерыжке и, не слушая его ответов, говорила про погоду:

— Всё снег да снег! И куда его столько навалило? На железной дороге девки только и гребут... только и гребут...

В разгар чаепития вошла Маркевна. Увидя за столом Самохину, она оробела, сунула всем руку дощечкой и сразу повела громкий разговор:

— Зима, зима! А весна-то уж вот она! На пригорке сидит, на солнышко поглядывает!

— Верно, верно! — почувствовав в ней поддержку, оживилась Петровна. — Зимы-то мы уже отстрадали! Теперь всяко растение к солнышку потянется, всякой душеньке на земле полегчает.

Маркевна строго глянула на неё.

— И подснежники где-нигде покажутся, и цветочки по овражкам жёлтенькие... — с испуганным лицом затянула Петровна.

А гостья сидела молча, сжимая обеими руками кружку, как будто хотела согреть свои иззябшие руки. Глаза её смотрели куда-то далеко, мимо этих людей, поивших её чаем. А они, исчерпав все пустые слова, напуганные её молчанием, сначала перешли на шёпот, а потом и вовсе замолчали, растерянно и грустно поглядывая друг на друга. Один Кочерыж-

ка сопел и беспокойно вертелся на лавке. Ему казалось, что все забыли про гостью, а она уже давно пьёт горячую воду без сахара. Боясь, чтобы она так и не ушла, он припомнил самые лучшие, по его мнению, слова, которые говорила гостям Петровна, повернулся к Самохиной и, подвигая к ней сахар, громко сказал: — Кушай, голубочек!

Самохина посмотрела на него и улыбнулась.

Петровна ахнула, Гранька расхохоталась, а Маркевна торжественно сказала:

— Угощай! Угощай! Ты хозяин! Проси ещё чашечку испить!

Провожая Марью Власьевну, Анна Дмитриевна просила не забывать их.

— А уж мальчик, коль не мешает, так нам только радостно... только радостно, — повторяла она, опасаясь про себя, что от Васи выйдет приказ не пускать к Самохиной Кочерыжку.

Теперь каждое утро после завтрака Кочерыжка начинал собираться.

— На работу, сынок? — шутливо спрашивала его Петровна, не подозревая, что после запрещения носить еду мальчик придумал себе новую заботу: идя по двору или по дороге, он усердно собирал щепки, складывал их в букетик, приносил Марье Власьевне и молча смотрел, как она разжигает огонь его щепками.

Ему нравилось, что в комнате было чисто. Наследив на полу мокрыми валенками, он брал тряпку и, посапывая, затиравал свои следы. Всё чаще заставлял он Самохину за работой. Однажды она принесла в круглой корзине грязное бельё, и на другой день, подходя к дому, он увидел густой белый дым, валивший из трубы. В комнате было тепло, на плите булькал котел. Марья Власьевна стирала, засучив рукава. Кочерыжка остановился на пороге и нежно улыбнулся:

— Тепло у нас!

Марья Власьевна сняла с него шинельку и придвинула к печке стульчик:

— Погрейся. Картинки погляди.

Она достала с полки отсыревшую книжку с картинками и подала мальчи-

ку. Собака уселась рядом. Переворачивая страницы, Кочерыжка смотрел картинки и шевелил губами.

Марья Власьевна придвинула к печке стул и стала читать. Она читала медленно: множество слов и собственный голос утомляли её. Иногда, перевернув страницу, она замолкала, но глаза Кочерыжки смотрели на неё с нетерпеливым ожиданием, и она читала дальше, пока не кончила сказку.

— Вся? — с сожалением спросил Кочерыжка.

— Вся.

Мальчик пристально посмотрел на неё и, наклонив голову, спросил:

— Сапоги-сорокоходы есть у тебя?

— Нету. А у тебя? — вдруг лукаво спросила Марья Власьевна.

Он посмотрел на свои растоптанные валенки:

— И у меня нету!

Они оба засмеялись.

С тех пор чтение сделалось любимым занятием обоих. Марья Власьевна стирала бельё для заводской столовой; Кочерыжка терпеливо ждал, пока она закончит стирку и, придвинув свой стул к печке, начнёт ему читать. От сказок переш-

ли к рассказам. Первым читали «Каштанку». В том месте, где собачонка бега-ет по улице, разыскивая следы столяра, Кочерыжка разволновался. Он перестал слушать, заглядывал вперёд и нетерпе-ливо спрашивал:

— А хозяин-то, хозяин-то у тебя где? — И сердился: — Не надо мне про гуся! Я говорю, хозяина ищи!

Марье Власьевне приходилось доказы-вать, объяснять, уговаривать. Кочерыж-ка слушал, соглашался и, прижимаясь к её плечу, просил:

— Читай, баба Маня!

Жизнь начинала входить в прежнюю колею. Анна Дмитриевна уже не носила из столовой суп, а Петровна всё чаще ба-ловала своих горячими лепешками. Ще-ки у ребят порозовели. Кочерыжку за-ставляли пить козье молоко, и, когда он прыгал по комнате, Петровна острила:

— Ишь-ишь, коза-то бунтует!

От Васи пришло только одно письмо. Пахло оно недавним порохом, было пол-но тоски по дому и уверенности в близ-ком конце войны:

«Только бы ступить мне на родную землю, обнять вас всех да заглянуть в глаза сыну... Экий парень небось вырос! Ведь шестой год ему пошел! Жаль, не узнает он меня!»

— Где же узнать-то? — вздыхала Пет-ровна.

Стаял снег. Влажная чёрная земля подсохла. Люди радостно засуетились, высыпали на огороды. Разделявали грядки, подвязывали молодые деревца и перекликались со двора во двор звонки-ми помолодевшими голосами. В саду Ма-рьи Власьевны зазеленели кусты клуб-ники, вылезли из-под снега тоненькие пруттики малины. На окне в тарелке мок-ли завязанные в тряпочку бобы. Коче-рыжка каждый день заглядывал в тря-почку и умилялся, когда у бобов появля-лись крошечные зелёные хвостики. Ма-рья Власьевна привезла из города расса-ду капусты, они вместе сажали её и радо-вались крепким тугим стебелькам. В праздник Победы Марья Власьевна с Ко-черыжкой снова сидела рядом за столом Анны Дмитриевны. Народу собралось много, было шумно, пили за славных бойцов, за Васю Воронова. Петровна

плеснула в чашку сладкого вина и пода-
ла Кочерыжке:

— Выпей, выпей, Владимир Василье-
вич, за папаньку своего!

Общая радость отодвинула личное горе
каждого. Плача о погибших, люди радо-
вались живым. Марья Власьевна тоже
плакала и радовалась, обнимая Петровну
и Анну Дмитриевну. Кочерыжка смотрел
на всех сияющими глазами и смущался,
когда пили за его отца — Васю Воронова.

Каждый день с голубой станции шли
военные. Маркевна то и дело, прикрыв
глаза рукой, смотрела на большую доро-
гу и, увидев человека в зеленой гимна-
стерке, выходила на крыльцо. Инвалиду
без руки или без ноги она сама шла на-
встречу, низко кланялась и говорила:

— Прости, сынок! За нас, грешных,
пострадал!

И растроганный чужой человек обни-
мал её сухонькие плечи:

— Не зря пострадал, мать.

Петровна после каждого поезда посы-
лала Граньку поглядеть, не идет ли Вася.

Анна Дмитриевна вскакивала ночью
и, слышав голоса на дороге, окликала:

— Васенька!

Марья Власьевна, увидев издали во-
енного, указывала на него Кочерыжке.
Но мальчик уверенно отвечал:

— Не он. Я его изо всех сразу узнаю.

Он уверял, что даже сердитый Волчок
не будет лаять на Васю.

— Ведь он не чужой, а отец мне, —
простодушно говорил он.

Марья Власьевна грустно улыбалась.
Ей представлялся высокий плечистый
человек, который берёт за руку Коче-
рыжку и навсегда уводит его из её дома.
Ей даже снилось, как мальчик идёт за
своим отцом, оглядываясь на крыльцо,
где они так часто сидели с книжкой, на
собаку, которую он кормил, и на неё,
свою бабу Маню...

А Кочерыжка, не замечая её тревоги,
всё чаще и чаще говорил:

— Отец едет ко мне!

Василий Воронов приехал. Он был
крепкий, коренастый, с широкой улыб-
кой и громким голосом. Первая увидела
его Гранька и с визгом бросилась в сени.
Мать и бабушка выскочили на крыльцо. Ва-
ся сбросил с плеч два чемодана, крикнул
и прижал к своей груди обе старые седые
головы.

— Эх, старушки мои!

— Боец ты наш, защитник! — обли-
вая слезами его гимнастерку, лепетала
Петровна.

— Сыночек... сыночек... Васенька... — ощупывая его дрожащими руками, повторяла Анна Дмитриевна.

Гранька при виде брата вдруг застеснялась и спряталась за дверь.

— Давай, давай её сюда! — кричал Василий, вытаскивая сестрёнку. — А ну покажись, какая стала? Маленькая, большая, добрая, злая?

Отпустив Граньку, Вася оглянулся вокруг и тревожно спросил:

— Где ж он?

Все поняли, что он спрашивает о Кочерыжке.

— Сейчас, сейчас, — заторопилась Петровна, повязывая платок.

Анна Дмитриевна торопливо стала рассказывать, что мальчик у соседки Самохиной, о которой она писала в письме.

— У той же? Значит, дружба у них идёт? — Вася широко улыбнулся, схватил шапку и крикнул Петровне: — Стой, бабушка! Я сам туда пойду! Я их спугаю сейчас! Который дом-то? — Весело улыбаясь, он побежал через дорогу к дому Самохиной.

Кочерыжка в длинных синих штанах стоял рядом с Марьей Власьевной, подрезая большими садовыми ножницами кусты малины. Марья Власьевна что-то говорила ему, оправляя выбившиеся из-под платка волосы. У забора залаял Волчок. Кочерыжка оглянулся, бросил ножницы и шепотом сказал:

— Баба Маня...

От калитки шёл военный человек, отгоняя шапкой собаку. Кочерыжка бросился к нему, но вдруг, оробев, остановился.

— Кочерыжка! Владимир Васильевич?! — широко расставив руки, крикнул Вася Воронов.

Кочерыжка зажмурился и, подпрыгнув, обхватил его за шею.

— Сын-то, сын-то какой у меня вырос! — вглядываясь в его лицо, говорил Василий.

Марья Власьевна молча смотрела на них с растерянной жалкой улыбкой. Собака беспокойно взвизгивала.

— Узнал меня? — радостно спрашивал Василий, поглаживая пальцами тёмные брови мальчика и пристально вглядываясь в знакомые голубовато-зелёные глаза.

— Узнал! Сразу узнал! И она узнала! — Кочерыжка обернулся к Марье Власьевне и, вцепившись обеими руками в руку Василия, потащил его за собой. — Узнала отца моего? — быстро и тревожно спросил он Марью Власьевну.

— Не узнала, так я узнал! — с волнением в голосе сказал Вася и, подойдя к Марье Власьевне, расцеловал её в обе щеки. — Мы друг дружку небось давно знаем! Через него познакомились, верно я говорю?

Марья Власьевна посмотрела в его открытые глаза и облегчённо вздохнула. А Кочерыжка уже тащил Васю за руку, показывал ему грядки, кусты и говорил, задыхаясь от радости:

— Гляди, чего тут мы с ней насажали! Гляди, отец!

Слово «отец» он произносил твёрдо, как будто давно привык к нему. А Вася Воронов, поминутно оборачиваясь к Самохиной, повторял:

— Спасибо вам за него, спасибо! — И неудержимо радовался: — Нет, каков сын-то у меня!

Марья Власьевна улыбалась, кивала головой, но руки её дрожали. У крыльца она остановилась, подняла на Васю Воронова серые усталые глаза и тихо спросила:

— Уедете куда или с матерью жить будете?

Он понял её вопрос и твёрдо сказал:

— Никуда! У нас с ним теперь два дома, и оба свои. Чего же ещё искать-то?

Юрий ГАГАРИН

первый человек в Космосе

РУССКИЙ
МУЗЕУМ

**В этом году
исполняется 60 лет
со дня первого
полёта человека
в Космос. Имя
Юрия Гагарина
стало символом
эпохи, а 12 апреля
1961 года —
началом новой,
космической эры.**

Юрий Гагарин

ИЗ КНИГИ «ДОРОГА В КОСМОС»

...Приближалось время старта. Вот-вот нас должны были отправить на космодром Байконур, расположенный на восток от Аральского моря в широкой, как океан, казахской степи. И все же я томился нетерпением, редко, когда ожидание было так тягост-

но. Я знал, что корабль, на котором предстояло лететь, получил название «Восток». Видимо, нарекли его так, потому что на востоке восходит солнце и дневной свет теснит ночную тьму, двигаясь с востока.

На космодром летело несколько космонавтов. Все могло случиться. Достаточно было соринке попасть в глаз первому

кандидату для полёта в космос, или температуре у него повыситься на полградуса, или пульсу увеличиться на пять ударов — и его надо было заменить другим, подготовленным человеком. Уезжающие товарищи были так же готовы к полёту, как я. Старт должен был состояться точно в назначенный день и час, минута в минуту. Вместе с нами на кос-

Столицы мира приветствуют первого космонавта Земли Юрия Гагарина

Перед тренировочным прыжком с парашютом.

модром ехали несколько специалистов и врач.

За окнами самолёта клубились вспененные облака, в их просветах проглядывала повесенному оголившаяся земля, кое-где покрытая ещё талым снегом. Я глядел вниз и думал о родителях, о Вале, о Леночке и Галинке. Представил себе, что стану делать после полёта, и тут же решил: буду учиться.

Все на космодроме, куда мы прилетели перед стартом «Востока», вызывало восхищение и восторг. Здесь хотелось ходить с обнажённой головой, держа фуражку в руке. Рационально расположенные наземные установки для запуска космических ракет и наблюдения за ними в полёте, может быть, ещё более сложны, чем сам космический корабль.

Юрий Алексеевич Гагарин и Сергей Павлович Королёв.

Погода благоприятствовала полёту. Небо выглядело чистым, и только далеко-далеко жемчужно светились перистые облака.

Я глядел на корабль, на котором должен был через несколько минут отправиться в небывалый рейс. Он был красив, красивее локомотива, парохода, самолёта, дворцов и мостов, вместе взятых. Подумалось, что эта кра-

Юрий Гагарин на отдыхе.

сота вечна и останется для людей всех стран на все грядущие времена. Передо мною было не только замечательное творение техники, но и впечатляющее произведение искусства.

Перед тем, как подняться на лифте в кабину корабля, я сделал заявление для печати и радио. Меня охватил небывалый подъём всех душевных сил. Всем существом своим слышал я музыку природы: тихий шелест трав сменялся шумом ветра, который поглощался гулом волн, ударяющих о берег во время бури. Эта музыка, рождаемая во мне, отражала всю сложную гамму переживаний, рождала какие-то необыкновенные слова, которые я никогда не употреблял раньше в обиходной речи.

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континен-

тов! — сказал я. — Через несколько минут могучий космический корабль унесёт меня в далёкие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением...

— Всё, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты, — говорил я то, что передумал за последние дни, когда мне сказали: «Ты полетишь первым».

Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?

— Сейчас до старта остаются считанные минуты, — сказал я. — Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далёкий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далёких и близких!

И, уже находясь на железной площадке перед входом в кабину, прощаясь с товарищами, остающимися на Земле, я приветственно поднял обе руки и сказал:

— До скорой встречи!

Я вошёл в кабину, пахнущую полевым ветром, меня усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк. Я остался наедине с приборами, освещёнными уже не дневным, солнечным светом, а искусственным. Мне было слышно всё, что делалось за бортом корабля на такой милой, ставшей ещё дорожке Земле. Вот убрали железные фермы, и наступила тишина.

Взгляд мой остановился на часах. Стрелки показывали 9 часов 7 минут по московскому времени. Я услышал свист и всё нарастающий гул, почувствовал, как гигантский корабль задрожал всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвался от стартового устройства. Гул был

Улыбка Юрия Гагарина.

не сильнее того, который слышишь в кабине реактивного самолёта, но в нём было множество новых музыкальных оттенков и тембров, не записанных ни одним композитором на ноты и которые, видимо, не сможет пока воспро-

извести никакой музыкальный инструмент, ни один человеческий голос. Могучие двигатели ракеты создавали музыку будущего, наверное, ещё более волнующую и прекрасную, чем величайшие творения прошлого...

Ю. А. Гагарин со своими родителями Анной Тимофеевной и Алексеем Ивановичем в городском парке г. Жатска. Июнь 1961 года.

...«Заря» напомнила:

— Прошло семьдесят секунд после взлёта.

Я ответил:

— Понял вас: семьдесят. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Растут перегрузки. Всё хорошо.

...С Землёй я поддерживал двустороннюю радиосвязь по трём каналам. Я слышал голоса товарищей, работавших на радиостанциях, настолько отчётливо, как если бы они находились рядом.

За плотными слоями атмосферы был автоматически сброшен и улетел куда-то в сторону головной обтекатель. В иллюминаторах показалась далёкая земная поверхность. В это время «Восток» пролетал над широкой сибирской рекой. Отчетливо виднелись на ней островки и берега, поросшие тайгой, освещённой солнцем.

— Красота-то какая!

Корабль вышел на орбиту — широкую космическую магистраль. Наступила невесомость — то самое состояние, о котором ещё в детстве я читал в книгах К. Э. Циолковского. Сначала это чувство было необычным, но я вскоре привык к нему, освоился и продолжал выполнять программу, заданную на полет. «Интересно, что скажут люди на Земле, когда им сообщат о моём полёте», — подумалось мне.

«Заря» поинтересовалась, что я вижу внизу. И я рассказал, что наша планета выглядит примерно так же, как при полёте на реактивном самолёте на больших высотах. Отчётливо вырисовываются горные хребты, крупные реки, большие лесные массивы, пятна островов, береговая кромка морей.

Вот несколько строк из записей моих переговоров с Землёй:

Гагарин. Внимание. Вижу горизонт Земли. Такой красивый ореол! Сначала радуга от самой по-

верхности Земли, и вниз такая радуга переходит. Очень красиво. Всё шло через правый иллюминатор. Вижу звёзды через «Взор», как проходят звёзды. Очень красивое зрелище. Продолжается полёт в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезду. Она так проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звёздочка. Уходит, уходит.

Будучи мальчишкой, я с упоением читал «Слово о полку Игореве» — этот древнейший русский сборник идей преданности Родине. Я любил на переменах простаивать в классе у географической карты, смотреть на великие русские реки: Волгу, Днепр, Обь, Енисей, Амур, словно синие жилы, оплетающие могучее тело нашей страны, и мечтать о далёких странствиях и походах. И вот он, главный поход моей жизни — полёт вокруг земного шара!

Несмотря на сложную работу, я не мог не думать. Вспомнилась мама, как она в детстве целовала меня на сон грядущий в спину между лопаток. Знает ли она, где я сейчас? Сказала ли ей Валя о моем полёте? А вспомнив о маме, я не мог не вспомнить о Родине. Ведь неспроста люди называют

Родину матерью — она вечно жива, она бессмертна. Всем, чего достигает человек в жизни, он обязан своей Родине. «Наша социалистическая Родина — самая прекрасная в мире, и всем, чего достиг, я обязан ей», — думал я.

Одна за другой внизу проносились страны, и я видел их, как одно целое, не разделённое государственными границами.

Но размышлять было некогда. Наступал заключительный этап полёта, может быть, ещё более ответственный, чем выход на ор-

биту и полёт по орбите, — возвращение на Землю. Я стал готовиться к нему.

Началась заключительная часть полёта. Корабль стал входить в плотные слои атмосферы. Его наружная оболочка быстро накалялась, и сквозь шторы, прикрывающие иллюминаторы, я видел жутковатый багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Но в кабине было всего двадцать градусов тепла, хотя я и находился в клубке огня, устремлённом вниз.

Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они всё увеличивались и были значительнее, чем при взлёте. Корабль начало вращать, и я сообщил об этом «Земле». Но вращение, обеспокоившее меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально. Было ясно, что все системы работали отлично и корабль точно идёт в заданный район приземления. От избытка счастья я громко запел любимую песню:

*Родина слышит,
Родина знает...*

В 10 часов 55 минут «Восток», облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе

Юрий Алексеевич и Валентина Ивановна с дочками Леной и Галей.

на вспаханном под зябь поле колхоза «Ленинский путь» юго-западнее города Энгельса, неподалёку от деревни Смеловка. Случилось, как в хорошем романе, — моё возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни летал на самолете. Сколько времени прошло с той поры? Всего только шесть лет. Но как изменились мерила! В этот день я летел в двести раз быстрее, в двести раз выше. В двести раз выросли советские крылья!

Ступив на твёрдую почву, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого телёнка и с любопытством наблюдавших за мной. Пошёл к ним. Они направились навстречу. Но чем ближе они подходили, шаги их становились медленнее. Я ведь всё ещё был в своем ярко-оранжевом скафандре, и его необычный вид немножечко их пугал. Ничего подобного они ещё не видели.

— Свои, товарищи, свои, — ощущая холодок волнения, крикнул я, сняв гермошлем...

Юрий Гагарин с пионерами в «Артеке».

ЖИВОЙ УГОЛОК

Соловьиное время

Олег Трушин

Фото О. Евстигнеевой

Было у меня в молодости одно заветное местечко, небольшая полянка прямо у старой дороги-аллеи, что тянулась в соседнюю деревню Гору. Поляну плотно окружала разросшаяся верба, а чуть поодаль от неё уходил вглубь леса высокий, чистый по склонам вал, появившийся тут неведомо когда. Там мальчонкой бегал я в старый ельник за чёрными груздями — чернушками. За рвом высился молодой сосновый бор, и было слышно, как звенит полый водой на перекатах река Щуровка, забирая талой водой бочаги и омута. Теперь уже нет той полянки, — срезали, когда дорогу расширяли да в асфальт закатывали.

Вспоминал я про эту полянку на пороге соловьиных

песен, как только зарождался на дубах лист, появлялись майские жуки, и на картофельных участках вовсю кипела посевная.

Транспорт по этой дороге не ходил, так как круглый год размывало её невероятно, превращая в ухабы и огромные лужи, и для нас дорогой была лишь одна небольшая бровка. Оступишься, угодишь в лужу.

Приходил я на эту полянку неспроста: послушать соловьёв. Уж больно их тут много всегда было. Словно оркестр соловьиный! Один, второй, третий... И было такое ощущение, что соловьиными переборами играет каждый вербный куст. Дополнением соловьиной песни были тянущие над поляной вальдшнепы, блеющие в вышине бека-

сы и птичий хор вечерней зари. Но чем ближе подступала ночь, сгущались сумерки, птичий хор затихал, и соловьиная песня в наступившей тишине начинала звучать ещё звонче и ярче. Прохлада ночи, терпкий запах цветущей черёмухи, соловьиная песня, изящный серп нарождающейся луны и кукование ночной кукушки — антураж майской ночи поры черёмуховых холодов — самой соловьиной поры.

Так уж начертано природой, что май и соловьи неразлучны. В любое время года, когда бы ни вспомнился май, неизменно на память приходят фатьяновские «Соловьи». Помните: «Соловьи, соловьи, не будите солдат...» Символично, что Великий день Победы тоже в мае и именно с него начинается соловьиная пора.

Коротка в сроках соловьиная песня. Как только зацветёт буйным цветом сирень, смолкнут один за другим соловьи, до следующего года, до следующего мая. Случается это во второй половине месяца, и... как всегда неожиданно.

Май, праздник молодой зелени и птичьих песен. Конечно, хлопоты о потомстве

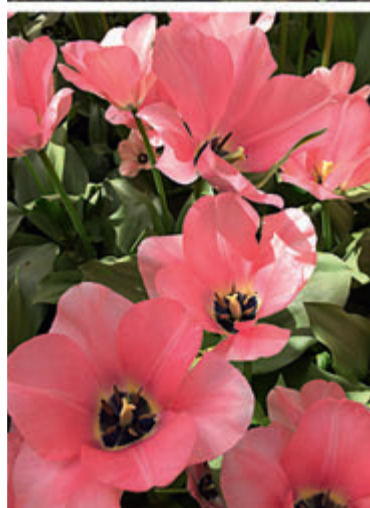
уже на первом месте, но птичий хор не смолкает. Чуть рассвет и песенка уже пробуждает утро. И с каждой минутой рассвета набирает птичий хор голоса и уже невозможно различить в этой поющей массе певунов.

Коротка майская ночь. Конечно, не чета июньской, но всё же, — долог вечер, и скор в этом последнем весеннем месяце рассвет. Ещё немного и зори будут разделять считанные часы ночи, когда угасающий закат уже «смотрит» на «молоко» рассвета пролитое на востоке.

Май — месяц первого листа. Стоит постоять на «майские» теплу, как сбросят рощи фиолетовую дымку, окутав себя первой, робкой, едва пробившейся зеленью молодого листа. Клейкого, не обожжённого солнечным лучом и не тронутого буйным ветром, изумрудно-зелёного, и очень похожего на своих предшественников, но... рождённого новой весной. За берёзой поспешает черёмуха, осина, рябина, ясень, липа, ольха, клён. Последним одевается в зелёный наряд дуб. В народе говорят — распустил листву дуб, жди вторую волну холодов. Примета верная — не припомню, чтобы осечку дала!

С первой листвой, ото дня ко дню, затихают глухариные тока. А уж как станет берёзовая листва в копеечку — и вовсе смолкнут. Это время совпадает ещё и с цветением сон-травы. Немногие её видели, а кто видел, уж ни с чем не спутает — крупные фиолетовые цветы-колокольчики на низеньком стебельке. Наклюётся глухарь сон-травы, и петь перестает, — говорят охотники.

В лугах ковер молодой зелени. Проведи рукой по такому

ковру и ощутишь его мягкость — не успела ещё огрубеть трава, привыкнув к солнечному свету и ветрам. Да и дожди ещё не напитали её влагой. Но первая майская травка долгожданная. Тянутся к ней лесные обитатели. И лиса пожуёт, и барсук на зуб попробует. Ну, а для зайцев, молодая травка — настоящий праздник!

На солнцепёках золотом цветут одуванчики. В тиши рощ, на опушках, словно бисер просыпанный, красуются нежно-голубые цветки незабудок.

Цветут в мае сады! Белоснежным, буйным цветом. Словно снежной пургой окутанные. С утра до вечера гул пчёл и шмелей в кронах. В прохладе ночи стоит тонкий сладковатый аромат в воздухе. Чередом цвет в садах напускается. Сначала вишни, сливы, а затем и яблоням черёд приходит — словно эстафетную палочку передают меж собой цвет. Лишь бы ветра не было, да дни теплом радовали. Да и хлёсткие дожди могут мигом цвет согнать, сократив и без того короткую пору цветения.

Под пологом леса, где тень играет с солнечным светом, на пике месяца, зацветает ландыш. Не одиноким цветком красуется ландыш, а целой поляной. Ландышевые полянки в цвету — особая красота майского леса. Нежный, сладковатый запах белоснежных цветков-колокольчиков вьётся над ними. Забрёдёшь на такую полянку, и уходить не хочется.

Говоря о ландышах, всегда вспоминаю букетик майских тюльпанов на столе в кабинете Михаила Александровича Шолохова в его доме в станице Вёшенской, аромат от которого растекался по всему второму этажу.

А где ландыши, там и комарья тучи. Тень комара примагнивает. А вообще, майская пора — самое комариное время. Нигде от них спасения нет. И чего только в эту пору в деревенском доме не выдумывали, дабы комара в избу не пустить. И сетки в окна, и поплотней дверные проёмы делали, и марлевые шатры над кроватями устраивали. А комарью всё нипочём, всё одно в дом «протиснется», с потоком воздуха при открытии двери залетит. С десяток комаров в ночь — и сна как и не было. А уж в лесу и подавно комарья кутерьма! Гужом гужат — говаривала моя бабушка. Гудят, толкутся роем. Только отмахивайся. Слوميшь рябиновую веточку и давай отбиваться, хлестать по лицу, рукам, от наседающего комарья. Помашешь, помашешь, да бежать со всех ног. А комарьё не отстаёт! Пока не выбежишь из лесу — не отстанет комар! Лишь к концу месяца «уходит» комарьё из деревни и лишь в лесу до самых осенних грибов их всё так же уйма.

Днём и ночью не умолкают кукушки. Будто бы и не спят совсем! Ку-ку, ку-ку, ку-ку... А ей вторит другая, третья, четвёртая. Словно перекуковать друг друга хотят. Закукует, заворчит, словно подавившись и пролетев соколом нырнёт в кроны деревьев. А оттуда опять — ку-ку, ку-ку... Будто бы в прятки с тобой играет. Уже в первом месяце лета покидает кукушка родные места. Но прежде чем улететь за моря и горы, дело своё сделает — своё

единственное яичко в гнездышко к какой-нибудь птичке на «выводку» обязательно подложит.

Ещё не поднялись в полный рост травы, оттого и не слышно в лугах в майскую пору перепелиного «спать пора», да коростелиного крэкания. Лишь малая птичка — речной сверчок, усевшись в гуще ракитового куста, затаит свою нехитрую песню, словно сверчок за печкой, да заурчит козодой, усевшись на колее луговой дороги не давая вовсе взять верх тишине.

Закончились лягушачьи гульбища. Не зыбит более гладь прудов и озёр от брачующихся жаб да лягушек. Лишь какая-нибудь рыбёшка, поднявшись из глубины, да налетевшая за каплей воды ласточка-касатка, коснувшись зеркала воды, пустят ровные, едва приметные кружки. Секунды, и вновь спокойна водная гладь.

Лихи в мае грозы. Настоящие! По-летнему грозные, со свинцовыми мрачными тучами, с ливнями в «потоп», что превращают ручьи в игристые водные потоки, с «пузырьками» капель на огромных лужах, и парящим зноем после проливного дождя.

Не редки в мае и густые туманы, по-осеннему плотные, длинные. Случаются они на перепутье знойных дней и прохладных ночей, под самый рассвет.

Май — последняя ступенька весны к лету. С цветущей калиной, сиренью, поспевающим липовым цветом, со стрижиным гомоном в чистом, голубом небе, заканчивается этот весенний месяц, уступая дорогу лету.

Где жил Черномор?

Пушкинская поэма «Руслан и Людмила» продолжает задавать загадки.

Правда, зачастую причина загадок лишь в том, что мы невнимательно читаем эту поэму, подходим к ней (как и другим книгам) предвзято, считая, будто нам уже всё на свете известно и понятно. Вот так и в случае с колдуном Черномором. Раз его так зовут, то и жил он, стало быть, где-нибудь на Чёрном море — в Крыму или на Кавказе. А может быть, и в Турции.

Но такое представление вовсе не вытекает из текста поэмы. Оно сложилось у нас благодаря звучанию этого имени, а также под влиянием оперы «Руслан и Людмила» и фильма-сказки А. Птушко. В фильме и в постановках оперы дворец Черномора стоит в саду, окружённый тропическими растениями. Там благодатный тёплый климат — похищенная Черномором Людмила днями бродила по саду, скрытая шапкой-невидимкой, и дремала прямо на траве, не рискуя простудиться.

Всё это, конечно, не придумали постановщики сказок. Такой сад описан в самой поэме. Однако при этом указано, что Черномор живёт в «полнощных горах». Мудрый Финн сообщает Руслану:

*Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор.*

«Полнощные горы» — это горы, расположенные на севере. Ведь

Титульный лист

И. Билибин. Сады Черномора

Бой Черномора с Русланом.
Литография, 1887 г.

Так что пусть роскошная тропическая растительность нас не обманывает — должно быть, особый микроклимат установился во владениях Черномора в результате колдовства. Хотя поэт мог иметь в виду и какой-нибудь природный тёплый оазис среди северных гор — такой же, какой описан в фантастическом романе Обручева «Земля Санникова».

Местонахождение владений Черномора указано и маршрутом витезей, отправившихся на поиски

похищенной Людмилы. Сперва они двигаются вдоль Днепра, оставаясь в пределах киевского княжества. Потом едут по степи. Дальнейший путь Руслана лежит по «лесной пустыни», то есть безлюдному лесу. Этот лес, как сказано в поэме, еловый, то есть находится в зоне тайги. И уже после преодоления этого леса богатырь попадает в горы, которыми владел Черномор.

Конечно, Пушкин не ставил перед собой задачу точно определить географическое местонахождение дворца Черномора. Сказочная география имеет свои законы. И мы не знаем точно, какие «полунощные горы» имел в виду поэт. Может быть, Черномор обитал в горах Скандинавии? Или на Кольском полуострове, в Хибинах? Или на Урале? А может быть, Пушкин описывал близкие ему и хорошо известные русским поэтам «финские скалы», то есть гранитные массивы Финляндии и Карелии?

А что, если жилище Черномора располагалось в выборгском парке Монрепо, где есть и горы, и скалы, и изящные беседки с цветниками? Пейзажный романтический парк Монрепо в пригороде Выборга (тогда он принадлежал великому княжеству Финляндскому в составе Российской империи) создавался как раз в

И. Билибин. Декорация к опере «Руслан и Людмила». 1900 г.

И. Билибин. Полёт Черномора с Русланом. 1918 г.

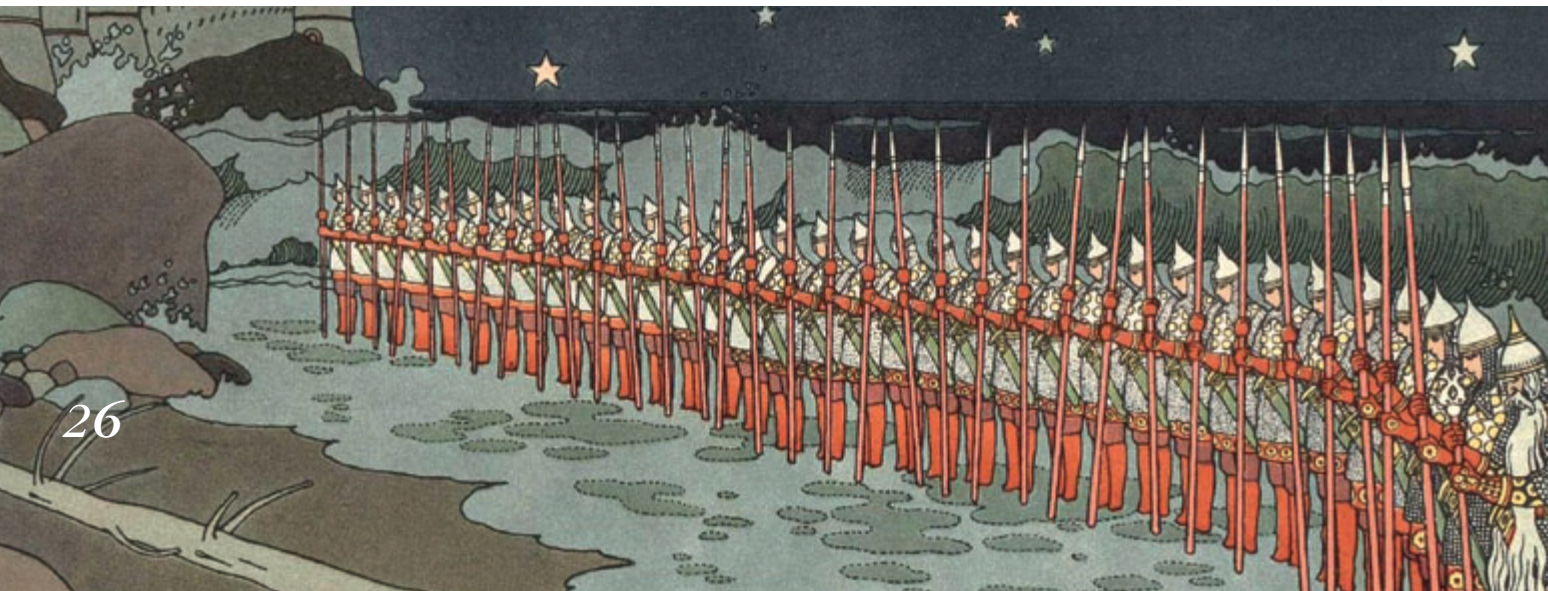
конце XVIII и начале XIX века, в годы детства и молодости Пушкина. Владельцы Монрепо построили усадебный дом в парке в 1820 году, в год первой публикации поэмы «Руслан и Людми-

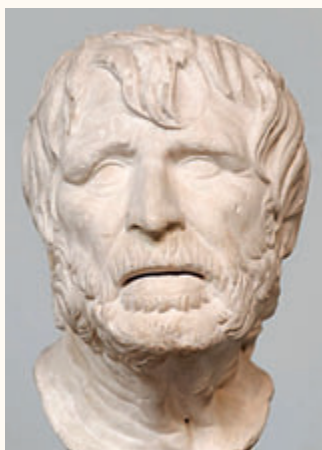
ла». Не случайно мудрый волшебник Финн так хорошо знает Черномора. Все они — и Финн, и злая Наина, и карлик Черномор с братом-великаном (который в поэме представлен Головой) — выходцы из полунощных стран...

Но разве имя Черномора не говорит о его южном, черноморском происхождении? Вовсе нет. Корень «мор» в его имени означает смерть, а чернота — признак злодея. «Злая смерть» — так можно расшифровать имя Черномора. Можно добавить, что среди языческих славянских богов существовал «Чернобог» — может быть, это и есть Черномор?

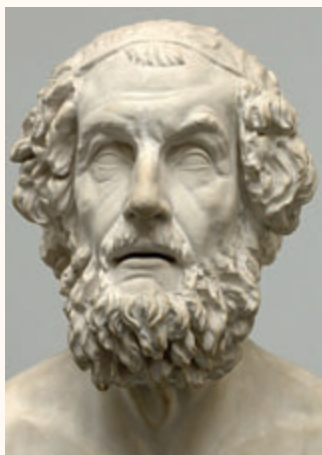
Надо, конечно, предупредить наших читателей, что всё написанное здесь о Черноморе — это версия, предположение. Во многом этот персонаж остаётся зага-

И. Билибин. Тридцать три богатыря

Сенека

Гомер

Г. Чернецов. «Крылов, Пушкин, Жуковский и Гнедич в Летнем саду». 1832 г.

дочным. Ведь Черномор в поэзии Пушкина появляется ещё раз — в «Сказке о царе Салтане». Там он — «морской дядька», то есть воспитатель, у тридцати трёх богатырей, выходящих из моря. Тот же это Черномор или другой? О размерах этого «дядьки Черномора» ничего не сказано. Он может быть и великаном, и карликом, и существом обычного роста. А ведь этот Черномор выходит из моря, и наверное, здесь корень «мор» имеет отношение именно к морю-водоёму. Или нет?

Можно попытаться отыскать общий прототип для противного карлика Черномора из «Руслана и Людмилы» и дядьки морских богатырей. Им, скорее всего, был идол древнеславянского божества гнева, стоявший на берегу

острова Руяна-Буяна. Вроде бы его тоже звали «Черномором». Этот идол соединяет качества колдуна из «Руслана и Людмилы» (гневливость, злобу) и причастность к острову Буяну-Руяну. Поэма Пушкина даже позволяет предположить, какие обряды совершались перед этим идолом. Вполне возможно, что славяне-язычники приносили ему в жертву именно девушек (поэтому сказочный Черномор и украл Людмилу).

Впрочем, здесь есть ещё, что исследовать.

В первой поэме Пушкина много смыслов, несмотря на то, что она написана им в юности. С одной стороны, это романтическая шутка, развлечение для девиц, подруг поэта (впрочем, скорее воображаемых, чем реаль-

ных). Но с другой стороны, как прямо говорит Пушкин в финале поэмы, в «Руслане и Людмиле» описаны

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.*

Но ведь «дела давно минувших дней» кратко называются «историей», историческими фактами! А «преданья старины глубокой» на языке науки именуются мифами и легендами.

«Преданьями старины глубокой» поэма переполнена. Несмотря на многочисленные оговорки поэта, который старается превратить своё произведение в дружескую шутку, в приключенческий пустячок для девичьего альбома. Сейчас прекрасно известно, что к своей литературной

Н. Ильин. Пушкин и няня. 1949 г.

работе, несмотря на такие заявления, поэт всегда относился очень серьёзно. Но если бы он не скрывал эту серьёзность, то, может быть, мы бы и не стали читать его книги. Подобное, увы, произошло с его учителем и соперником на Парнасе Жуковским, поэму которого о новгородском богатыре Вадиме Пушкин пародирует в «Руслане и Людмиле». А ведь Жуковский не меньше Пушкина любил русскую историю, славянские древности! Да и самого великого Гомера нынче мало кто читает, хотя старший современник и знакомый Пушкина — Гнедич — и сделал перевод «Илиады» на русский язык, а Жуковский перевёл «Одиссею».

Все крупные поэты и переводчики вокруг Пушкина переводили или собирали древнюю мифологию. Несомненно, занимался этим и Пушкин. Ведь одним из его кумиров был кельтский бард Оссиан. Правда, позже выяснилось, что стихи Оссиана были искусной подделкой, но Пушкин относился к барду всерьёз. Точно так же серьёзно он относился и к русским преданиям, легендам, мифам, которые дошли до

него через няню Арину Родионовну.

Конечно, были у Пушкина и другие источники — литературные. Славянский фольклор тогда уже начинали исследовать серьёзно. Но своей вершины эти исследования достигли лишь в конце XIX века — после Пушкина. Александр Сергеевич был первым и имел в своём распоряжении уникальные сведения, полученный от няни-рассказчицы в виде сказок. И Пушкин, зная, какая ценность ему досталась, постарался распорядиться этим «материалом» как можно лучше. Он придал услышанным от няни легендам литературную поэтическую форму. Он превратил нянюшкины рассказы в поэму («Руслан и Людмила») и в поэтические сказки о «золотом петушке», о «царе Салтане», о «мёртвой царевне и семи богатырях». Многие образы и сюжеты этих стихов уникальны, редко встречаются где-то ещё. Например, про то, что остров Руян-Буян на Балтике принадлежал русским князьям, во времена Пушкина было известно только немногочисленным учёным — да Арине Родионовне. Ещё никто не со-

Арина Родионовна

ставлял пантеона славянских богов и не искал место для Чернобога, а Пушкин уже описал, чем этот мифологический персонаж занимался под именем Черномо́ра — похищал чужих жён.

О том, какой древности материал использовал Пушкин в «Руслане и Людмиле», говорят сами образы поэмы, особенно Черномор и его брат, Голова. Один был карликом, другой — великаном, однако они названы братьями. Ясно, что для первых создателей этих образов, безвестных славянских «бардов», не имело значения логическое противоречие между великаном и карликом, которые с нашей точки зрения не могли родиться в одной семье. Для творцов мифа размеры героев были лишь выражением их способностей.

«Голова» был воином, богатырём. В русских былинах эта голова носит имя Святогора, и там про него рассказано подробнее. Но в былинах не сказано, что у него был брат — карлик Черномор. Карликовость волшебника означает, что у него было мало физической силы — но имелась сила колдовская. А разве не бывает и в жизни так, что один брат

в семье рождается сильным, а другой слабым, но зато имеет духовные способности? Бывает, и нередко. Так что логика у создателей мифов тоже имелась, только это логика не внешних событий, а внутренних, логика содержания.

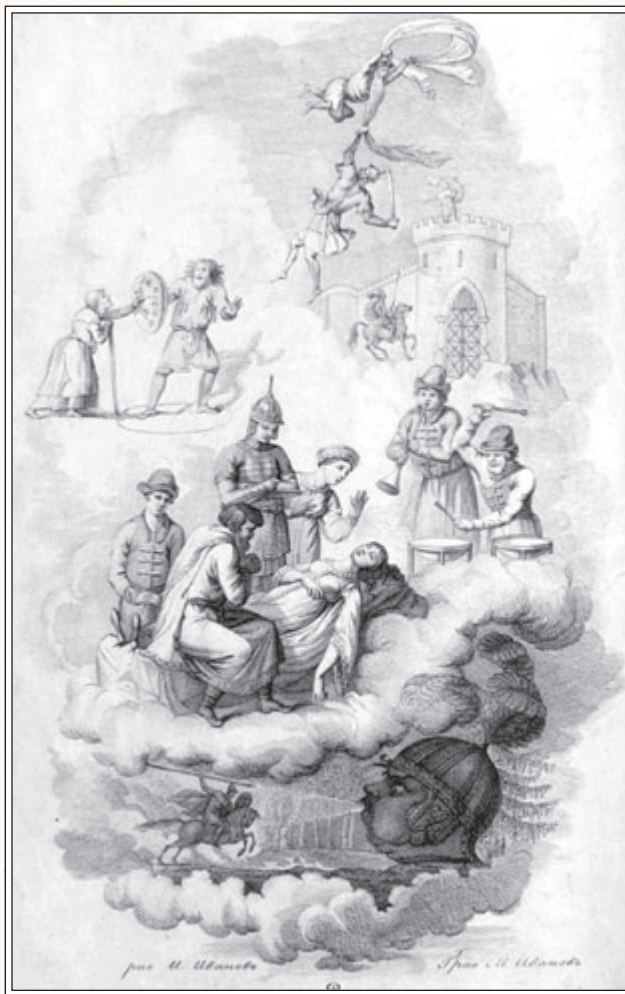
Мифы разных народов дошли до нас не сами по себе (если вообще они когда-то существовали «сами по себе»). Все великие мифологические произведения, которые мы знаем, известны нам в форме поэм или поэтических эпосов. Некоторые из них безымянные, анонимные, хотя хорошо известно, что они собирались и записывались, а также дополнялись языческими жрецами, которые одновременно были и поэтами. То есть у всех мифов были авторы, но не все их имена мы знаем. Безымянными дошли до нас эпосы древних индусов — «Рамаяна», «Махабхарата», сборник священных гимнов «Ригведа». Неизвестен автор скандинавской «Старшей Эдды» — сборника стихов о богах. Но вот у «Младшей Эдды», в которой также рассказываются мифологические истории о богах и героях, был конкретный автор — исландец Снорри Стурлусон.

Всю греческую мифологию записали (а может, и сочинили?) — два греческих поэта, Гесиод и Гомер, и несколько драматургов (Эсхил, Софокл, Еврипид). Финский эпос, в котором рассказываются древние мифы, в первой половине XIX века создал финский учёный Лённрот. Он собирал отдельные древние стихи и песни и на свой лад соединил их так, чтобы получилось цельное произведение. Конечно, он многое дописал или исправил.

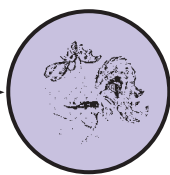
Никто, кажется, до сих пор не заметил, что Пушкин выполнил в нашей культуре ту же работу, которую совершил Гомер по отношению к греческой мифологии, а Снорри Стурлусон — к скандинавской. Александр Сергеевич собрал известные ему древнерусские легенды и мифы и придал им прекрасную и лёгкую литературную форму. У русской мифологии есть, конечно, и другие «места хранения», кроме книг Пушкина — былины, сказки и духовные народные стихи. Но только у Пушкина древнерусские мифы заиграли живыми красками, стали доступны всем, даже детям. Настолько доступны, что мы даже не замечаем, какая глубокая древность, какие удивительные смыслы кроются за известными всем с детства образами. Не замечаем, что Пушкин — русский Гомер, в книгах которого не сокрыта, а раскрыта древнерусская мифология, о которой некоторые говорят, будто она бесследно исчезла.

И. Билибин. Голова. 1917 г.

СКАЗКИ
ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК
И БРАТИШЕК

ЧУДЕСА-КУДЕСЫ!

Художник А. Мешкова

Ночью в кондитерской «Медовая чумичка» было тихо и пахло ванилью.

— Опять кто-то надушился! — заметила апельсиновая карамелька и прыгнула на полочку к пышным фиалковым лепешкам.

— Это «Зефир бело-розовый ванильный», — сонно отозвался горчичный сухарик. — Свежий очень, его только сегодня вечером привезли. Завтра подсохнет, потерпите, — сухарик давно жил в кондитерской и был мудрым.

— Почему я должна страдать из-за какого-то зефира? — громыхнула сударыня Монпансье-крыжовник. — Ночь долгая! А мне его аромат совершенно не нужен, у меня свой парфюм!

— Тише, сударыня! — встрепенулся шоколадный батончик. — Вы подобными атаками всю нашу «Чумичку» перебудите!

— Уже разбудила! — вздохнул яблочный мармелад. — Подумаешь, ваниль ей не нравится! Запах дивный, праздничный...

— А ты, желе, вообще молчи! — проворчало монпансье. — Мне со свежим зефиром разобраться нужно!

— Сударыня, я слишком нежный, чтобы отвечать на ваши грубости, — тихо произнес бело-розовый зефир. И ванилью запахло чуть-чуть сильнее.

— Ой! — восторженно прошелестели галеты. — Бла-

гоухает как в детстве, когда мы ещё тестом были. Спасибо тебе, зефирушка!

— А вы ему почётную грамоту вручите! — съязвила лимонная карамелька. — И название поменяйте: «Печаль по прошлому!».

— Лимончик, разве можно столь кисло смотреть на жизнь? — удивился бисквит. — Добрые воспоминания всегда приятны.

— В эту карамельку, наверное, сахару не доложили? —

предположил земляничный рахат-лукум.

— А в тебя переложили! — громыхнуло монпансье. — Счетовод!

— У меня всё по рецепту! — обиделся рахат-лукум. — На два килограмма земляники — два килограмма сахару!

— А я не знаю, какой я? — загрустил творожный кекс. — Сколько во мне горького, а сколько сладкого? Никогда не задумывался...

— Ты — хороший кекс, — мягко произнес горчичный сухарик.

— У тебя все хорошие! — с досадой выдохнуло монпансье. — Идеалист! А я...

— Стукотень крыжовишна! — быстро объяснил чей-то ласковый голос.

— Это кто меня так назвал? — пробасило изумлённое монпансье. — Кому в кондитерской жить надоело?

— Охти! Чудеса-кудесы! — проговорил всё тот же ласко-

вый голос. — Не успело мне ещё у вас надоесть. Я же нынче вечером сюда пришвартовался, — белая коробка-сундучок распахнулась, и все увидели большой корабль-пряник, тёмно-коричневый с розовыми парусами.

— Мы вместе прибыли, — кивнул довольный зефир.

— В добрый час! — поприветствовал горчичный сухарик.

— Милости просим в нашу «Чумичку»! — поддержал его шоколадный батончик.

— А почему я — «стукотень»? — напомнило о себе монпансье.

— Чудеса-кудесы! — блеснул розовыми парусами корабль-пряник. — «Стукотень» по-нашему — грохот... Поговорушка у меня такая...

— А ты откуда приплыл? — спросило обескураженное монпансье.

— Дальник я, — охотно ответил пряник. — С Архангельска!

— Чудеса-кудесы! — прошептал бисквит.

— Чем тебе зефирный дух не понравился? — продолжил беседу пряник.

— Я не «стукотень», — понизило голос монпансье. — Меня уважать надо!

— Важности требуешь? — переспросил корабль-пряник. — Тогда води себя артельно, по-доброму...

— Ты не засох в дороге-то? — фыркнуло монпансье. — Педагог!

— Мягонький я, — не согласился пряник. — Не жестяночка, и букоси на мне нету. А потому, говорю вернушко.

— Чего у тебя нету? — заинтересовался творожный кекс.

— Букоси — плесени, — улыбнулся пряник.

— Ой! — вздрогнул бисквит. — Жуткая вещь! Мы её все боимся: и я, и печенье, и кексы...

— И вареники? — сочувственно спросил пряник.

— Какие тебе в «Чумичке» вареники? — громыхнуло монпансье. — Ты не в закусочной! У нас все элегантно — только десерты! А вареники — это...

— Пироги с вареньем, — безмятежно произнес корабль-пряник.

— Охти! — обрадовался вишневый пирог. — Тогда, вареник — это я!

— Я тоже! — крикнул черничный пирог.

— А мы — маленькие вареники! — хором сказали пирожки с повидлом.

— Вам сметанки не требуется? — съязвила лимонная карамелька. — Могу сбегать к молочнику.

— Желтоцветка занозистая! — рассмеялся пряник. — А вы, дороганушки, букоси не бойтесь. Живите добросердечно, никакая букось к вам не пристанет!

— Сказка! — не поверило монпансье. — Добротой спастись нельзя! Распустил паруса на дырявой лодке! Смотри, глазурь осыплется!

— Мадам, Вы плохо воспитаны! — не выдержал белорозовый зефир. — Пряник абсолютно хороший! Он потому и мягкий, что добрый!

— Зефир, сейчас ты у меня так забукосишься, — пообещало монпансье, — что даже ваниль не поможет! Я...

— Крыжовишна-сиропишна без начинки! — храбро крикнула апельсиновая карамелька.

— Бахвальство уйдет, один сироп останется! — поддержали её фиалковые лепёшки.

— Чудеса-кудесы! — неожиданно для себя сказало монпансье. — Критикуют меня! И где? В родной «Чумичке»!.. Пора менять место жительства, — вздохнуло монпансье.

— Куда пойдешь? — полюбопытствовал шоколадный батончик.

— В закусочную? — вставила лимонная карамелька.

— В кафе импортное, — пробурчало монпансье, — а, быть может, и в ресторан!

— Наторопях не решай, — покачал парусами пряник, — думать умом надобно! Что толку волтошиться, жизнь менять, если твоя злость при тебе и останется? Ты к добру повернись, а мы тебе все подпорой станем.

— Все? — недоверчиво переспросило монпансье. — И зефир?

— С ванилью! — уточнил Бело-Розовый.

— Вернушко! — согласился рахат-лукум.

— Я попробую, — тихо сказала монпансье.

— Чудеса-кудесы! — зевнул яблочный мармелад. — Неужто до утра отдохнуть удастся? Наконец-то наша «Чумичка» утихомирится!

— Кстати! — крикнула апельсиновая карамелька. — А что такое «чумичка»?

— Ой! — испугался творожный кекс. — А вдруг это что-нибудь неприличное?

— Сам ты с изюмом! — рассердился вишневый пирог. — Чумичка — это ложка разливная с длинной ручкой. Мёд разливать удобно, молоко, или мармелад по формочкам...

— Я всегда в отличной формочке, — пробурчал яблочный мармелад. — Спокойной ночи!

— А ещё, — начала было апельсиновая карамелька, перепрыгивая через горчичный сухарик...

— Безугомонница! — улыбнулся пряник. — Иди весёлочко на родное место...

Вскоре «Чумичка» дружно затихла, а сударыня Монпансье даже увидела сон, в котором к ней по Белому морю шел коричневый корабль с розовыми парусами...

На следующее утро в кондитерскую привезли имбирное печенье.

— Опять кто-то надушился! — сказала апельсиновая карамелька и прыгнула к фиалковым лепешкам.

О Ашшнки

Как я проведу это лето

«На лето у меня большие надежды. Я собираюсь вырасти на 20 см, накачать большие мускулы, научиться каратэ. А осенью, с новыми силами, прийти к ребятам на сольфеджио...»

«Этим летом папа обещал взять меня с собой на Грушевидный фестиваль бардовской песни и пляски. Он сказал, что у меня после фестиваля будет настоящая бардовская гитара, а то и две, потому что там их по кустам разбросано как тряпки...»

«...Я очень хочу летом научиться плавать на собственной спине. На папиной я уже умею. Да и на своей почти умею. Но тону...»

«Летом я буду ездить на велосипеде по придам...»

«Я хочу скинуть на три месяца груз каждодневных забот и побыть обыкновенной легкомысленной женщиной. ОляТТ, 8 лет».

«Так как времени летом будет достаточно, я наконец-то засяду за воспоминания. Постараюсь описать события, которыми были наполнены первые четыре класса. Уже сейчас понимаю, что если этого не сделать сейчас, то потом будет уже поздно. Первая двойка, первая тройка, первая учительница... А потом пойду купаться. Ведь если не искупаться как следует летом, то зимой будет уже поздно».

Елецкие истории

Почему Нина Заречная рвалась в Елец

Вера Комиссаржевская
в роли Нины Заречной

Пожарная каланча в крепостном
стиле. XIX век

«Чайку» Чехова знают все, но все ли помнят, что Нина Заречная уезжает в Елец, а перед отъездом отказывает Константинову Треплеву и тот стреляется?

«Нина. Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Грубая жизнь.

Треплев. Зачем в Елец?

Нина. Взяла ангажемент на всю зиму».

Почему в Елец — из Москвы, а не просто остаться в Москве?

Да потому, что в те времена Елец был не обычным уездным городом крупного масштаба, а центром притяжения для многих, крупнейшим и богатейшим купеческим центром, окружённым россыпью дворянских усадеб.

Причём не просто в поместьях жили аристократы, а значимые для истории культуры России личности и члены императорской семьи.

Например, под Ельцом было имение братьев Жемчужниковых, троих из создателей Козьмы Пруtkова, а в селе Архангельском жил известный театрал Танеев, о котором рассказывал, как о большом оригинале, знаменитый бытописатель XIX века Михаил Пыляев. В Архангельском устраивали представления аж в двух барских театрах, а в дни так называемых «съездов» Танееву приходилось призывать на помощь собствен-

ную «театральную полицию» для соблюдения порядка.

У Пьера Безухова было под Ельцом имение, в котором Лев Толстой поселил его родственницу.

При этом о самом семействе графа И. А. Бунин писал в «Жизни Арсеньева»: «Вчера, говорят, мимо нас прошла по большой дороге в отъездное поле чья-то охота вместе с охотой молодых Толстых».

Городу посвящены очерки В. И. Немировича-Данченко 1885 года.

Ну и наше всё — Александр Сергеевич Пушкин — упомянул Елец в «Путешествии в Арзрум».

В XIX веке и начале XX века жизнь в Ельце бьёт ключом — город богатеет, культурная жизнь процветает, активно строятся светские здания, храмы и заводы.

Елец и в наши дни прекрасен, хотя и порядком запущен.

Хотя, быть может, в этом есть своя прелесть и спасение города — не хватило денег разрушить

Деревянные наличники — гордость Ельца. Окно купеческого особняка XIX века

исторические здания и построить на их месте новоделы, как в других старых русских городах.

Город спас от разрушения Евгений Крикунов — бывший учитель физкультуры, коллекционер и меценат. На основе его коллекций в Ельце создано четыре музея. А ещё Крикунов ставит памятники — на свои деньги и на своей территории (рядом с принадлежащим ему домом), благодаря чему их установку не надо было согласовывать. Именно так появились в городе памятники Бунину и Розанову.

Часовая башня. Часы на бывшей водонапорной башне в центре Ельца

Из 33 старинных церквей до нас «дожили» только 13.

К счастью, хорошо сохранилась планировочная структура Ельца, созданная по генеральным планам аж 1770 (разработан под руководством архитектора Алексея В. Квасова) и 1827 годов.

Елец включён в список малых исторических городов (а всего их в России 115), имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, признанные памятниками национальной культуры. Дата основания Ельца точно неизвестна.

Предполагают, что это 986 год. Елец тогда был центром удельного княжества. В «Истории Государства Российского» Карамзина рассказывается, что князь Святослав Игоревич, покоривший в 964 году вятичей, обложил их непосильной данью, которую те не хотели и не могли платить. В 981 и 982 годах Великий князь Владимир смирил вятичей и начал на левом берегу Сосны и Дона закладывать города и новые сёла. Вот тогда-то и были заложены Талец и Еливец (Елец).

А вот в летописях Елец упоминается впервые в 1146 году (Никоновская летопись).

Археологи установили, что древнее поселение существовало в 7 километрах юго-западнее исторического центра современного города. Сейчас там — Лавский археологический комплекс, который состоит из городища, укрепленного рвом и валом, и примыкающих к нему двух селищ.

Современный же Елец возник не ранее 1381 году у устья реки Ельчик, Кошкиной горы и Соборной площади. Однако это тоже всего лишь предположения.

Город был мятежный и много раз горел.

Вспомним хотя бы события осени 1618 года, когда защитники Ельца обороняли город от Войска Запорожского во главе с гетманом

Петром Сагайдачным. Войско шло на помощь полякам, осадившим Москву. Шляхтич приступом взял Елец, однако русские воины сильно ослабили вражескую армию. Некоторые историки считают, что впоследствии именно это и спасло Москву и способствовало победе народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

В память об этих событиях на полигоне «Русборг» под Ельцом устраивается фестиваль «Стрелец». Елец всегда славился своими купцами, которые были умны, хитры, оборотисты и любили прогресс. Тут можно рассказывать бесконечно — и про первый в городе автомобиль, и про шампанское из крыжовника, и про громадные суммы, которые жертвовались на благотворительность, и про технические нововведения на заводах, и про усадьбы и довольно скромные дома. Всему своё время — в одной статье об этом не расскажешь.

Уже в первой четверти XVIII века братья Криворотовы основали чугунолитейный, колокольный и механический заводы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что император Александр Первый в 1809 году называет Елец в своём

Старинная городская усадьба XIX века

указе в числе пяти провинциальных городов — крупнейших торговых центров всей России.

В свою очередь, указ императора Николая I в 1846 году уравнивает Елец в торговых правах с губернскими и портовыми городами России.

В 1869 году в городе начинает работать первое в России железнодорожное училище, а в 1888 — строится первый в России элеватор, рассчитанный на хранение свыше 6,5 миллионов тонн зерна.

Легенд о купеческом Ельце сложено великое множество — вспомним хотя бы описание ледового цветочного ковра, когда живые цветы были залиты водой возле Великокняжеского храма перед приездом императора в город в связи с празднованием 300-летия царствования дома Романовых.

А в завершение статьи — версии происхождения топонима Елец.

По одной из них, «илец» — это ил, донное отложение в реке. По другой — елец (еловец) — наверхие старинных богатырских шлемов, и так город назвали потому, что ельчане всегда были защитниками государства Российского.

Кроме того, «елень» на старославянском языке — олень, а в толковом словаре В. И. Даля приводится поговорка: «Елень быстра, не коню сестра». От еленей, ранее водившихся в елецких лесах, где также росли и ели — опять отсылка к Ельцу, якобы и берёт своё название наш город.

Именно поэтому на гербе Ельца — олень и ель.

Есть и другие версии — собственно, им несть числа. Так, одно из значений слова «елец» — возвышение, а город стоит на холмах.

Ну и совсем уж экзотическая версия — слово имеет не славянские, а более древние — финно-угорские корни.

Старинная городская усадьба XIX века

Дом сына купца-миллионщика А. А. Заусайлова

Здравствуй, дорогая «Детская Роман-газета!» Меня зовут Татьяна Панова, мне 14 лет. Я живу в городе Сызрань Самарской области. Мои увлечения разнообразны: люблю рисовать, музицировать, люблю читать и писать рассказы и стихи. Но самое главное моё увлечение — это театр! Я посещаю театральную студию и принимаю участие в городских спектаклях. Занимаюсь «Художественным словом», являюсь Лауреатом Международных, Всероссийских, Межрегиональных конкурсов в этом направлении.

Мы память о войне храним

Мы память о войне храним:
Награды, письма, документы,
На фотографиях родных
Запечатлённые моменты.

Мы память о войне храним:
Четыре ордена, медали —
Четыре прадеда мои
В боях Победу добывали.

Мы память о войне храним:
Под метронома ритм вставая,
Весь мир молчит, и мы молчим,
Своих ушедших вспоминая.

И сердце бьётся горячо,
Когда Бессмертный полк ступает.
В одном строю, к плечу плечо
Они шагают вместе с нами.

Ведь это нужно нам самим,
Не забывая, что случилось,
Мы память о войне храним,
Чтобы она не повторилась...

Однажды на большой планете

Однажды на большой-большой планете
Волшебник отключил весь интернет
Заплакали тогда и взрослые и дети
Взмолились: «Помогите! Интернета нет!»

А злой волшебник только рассмеялся!
Ему на них, конечно, всё равно!
Он ничего на свете не боялся.
Сказал: «А что, без интернета жить слабо?»

И люди умоляли и просили
Вернуть хоть на минуту Интернет
Они его так сильно полюбили
Для них он был как Солнца яркий свет!

Они сидели дома и страдали
Как тяжело без Интернета жить!
И участи своей дальнейшей ждали.
Им было нечего теперь любить.

Компьютеры стояли и молчали.
Их было незачем теперь включать.
И мониторы чёрные в печали
Мечтали вновь светиться и мерцать.

Электрики, инженера пытались
Сил не жалея, починить его.
Но время шло. Попытки оказались
Напрасными. Не получилось ни-че-го...

Пришлось смириться с наказаньем этим
И из домов выйти на улицу,
Увидеть Солнце на рассвете
И от лучей его зажмуриться.

Увидеть небо, облака вдали,
Траву, цветы, листву зелёную
Увидеть то, что раньше не могли.
Слепые — в Интернет влюблённые...

А злой волшебник мудрым оказался,
Он людям прелесть мира показал
Он маску снять теперь не побоялся
И им слова заветные сказал:

«Теперь вы поняли, что жизнь без Интернета
Прекраснее и всё вам в ней дано!
А вы сидели от заката до рассвета
Смотрели только в Виндуса окно!

Общайтесь, чтоб смотреть в глаза друг другу.
Леса, моря любите, и жару и вьюгу!
Ведь человек — он часть природы!
...а злой волшебник оказался добрым...

Чудо

Как ужасно ощущать,
Что в тебя никто не верит...
Некому мне рассказать —
Ведь никто и не поверит!

Верят в деньги, верят в злость,
Но не в счастье, не в любовь!
Кто же я? А я есть — чудо.
Спросите меня: «Откуда?»

Да, я есть, я существую,
Но сейчас сильно горюю:
Я одно, людей так много —
Мне нужна, нужна подмога!

Ваша вера мне нужна!
Я приду, приду тогда!
Я исполню все желания!
Оправдаю ожидания!

Вместе мы сильнее будем,
Вместе счастье мы добудем!
Вместе в чудо мы поверим,
В сказки мир откроем двери!»

«Нету сказки! Нет чудес!»
Это просто хмурый лес!
Сказку мы не замечаем,
Чудо часто огорчаем!

В постоянной суете
Всё внимание беде!
И обидам, огорчениям —
Этим странным увлечениям!

Просто мы не понимаем,
Как мы чудо упускаем.
«Я одно, людей так много,
Мне нужна, нужна подмога!

Ваша вера мне нужна!
Я приду, приду тогда».

НАШ ВЕРНИСАЖ

Изостудия «СТРАНА ЧУДЕС»

ГБОУ г. МОСКВЫ, ШКОЛА № 49

Руководитель Галина Карзина

1. Сайфуллова Сакина

2. Медведский Виктор

3. Стратилэ Виктория

4. Лазаренко Мария

 Ашишки

«Облетев Землю на корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать её!»

Юрий Гагарин

Юрий Алексеевич Гагарин, первый космонавт

ПУШКИНСКИЙ ВЕНОК!

Где жил Черномор

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Чудеса-кудесы!

УГОЛОК РОССИИ:

Елецкие истории